
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Е.В. КОЛДУНОВА

КОНФУЦИАНСТВО И ДЕМОКРАТИЯ: ДВЕ ВЕЩИ НЕСОВМЕСТИМЫЕ?

До Чул Син

Конфуцианство и демократизация в Восточной Азии

Рецензия на книгу: *Doh Chull Shin. Confucianism and democratization in East Asia.* – Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. – 376 p.

На рубеже веков в странах Восточной Азии интерес к конфуцианству, морально-этическому учению, созданному более двух с половиной тысячелетий назад китайским мыслителем Конфуцием и его последователями, неуклонно растет. Руководители КНР адаптируют заветы Конфуция к процессу модернизации страны, ставя задачи достижения *сяокан* (общества средней зажиточности)¹. При этом, как отмечает известный отечественный исследователь конфуцианства Л.С. Переломов, курс построения «социализма с китайской спецификой», по сути, означает «строительство

¹ Согласно конфуцианскому учению, на пути к «обществу великого единения» (*датун*) возможен промежуточный этап (*сяокан*, «общество малого благоденствия»). К идее *датун* как высшему идеалу общественного развития в разное время апеллировали Кан Ювэй, Сунь Ятсен и Мао Цзэдун. Идея *сяокан*, понимаемого как общество средней зажиточности (понимаемого как *сяокан*) как промежуточного этапа развития китайского общества в процессе реформ, была предложена Дэн Сяопином [подробнее см.: Переломов, 2007, с. 125, 209–215].

конфуцианского рыночного социализма» [Переломов, 2007, с. 6]. В Японии, Южной Корее, Сингапуре и на Тайване конфуцианская этика стала основой для экономических систем так называемого конфуцианского капитализма. В социально-политическом плане именно к конфуцианским идеалам саморазвивающегося индивида как части семьи и семьи как основы и модели государства апеллируют сторонники «азиатских ценностей», среди которых бывший премьер-министр Сингапура и главный архитектор его экономического чуда Ли Куан Ю [Zakaria, 1994, p. 113].

Очевидно, конфуцианские ценности благоприятствуют экономическому развитию стран Восточной Азии. Однако с точки зрения политической науки взаимодействие морально-этических и религиозных ценностей и политики представляет собой сложный предмет исследования и порождает целый ряд взаимозависимых вопросов. Какое влияние эти ценности оказывают на политический процесс в странах региона? Как они соотносятся с процессом демократизации? Противоречат ли демократии, благоприятствуют ей либо вносят свой вклад в становление незападных моделей демократии, дискуссия о параметрах которых приобрела в последние годы особенно острый характер [подробнее см.: Воскресенский, 2007, с. 166–170; Закария, 2004]? Какова судьба демократии в самом экономически быстро развивающемся регионе мира, где из 16 стран она присутствует только в шести странах?¹

Ответ на эти вопросы До Чул Син², автор исследования «Конфуцианство и демократизация в Восточной Азии», предлагает искать на стыке теоретического анализа конфуцианских норм, современных концепций демократии и эмпирического анализа социальных и политических ориентаций населения Восточной Азии. Рассматривая влияние социальных и политических норм конфуцианства на отношение жителей региона к процессам демократизации, исследователь проводит сравнительный анализ шести стран

¹ В данном случае имеется в виду географическое определение Восточной Азии, включающей КНР, Японию, две Кореи, Тайвань, Монголию, Индонезию, Таиланд, Филиппины, Малайзию, Сингапур, Бруней, Вьетнам, Лаос, Мьянму, Камбоджу. Среди них демократиями автор считает Японию, Южную Корею, Тайвань, Индонезию, Монголию и Филиппины. Согласно Индексу демократии, к ним относятся также Таиланд и Малайзия [Index of democracy, 2011].

² До Чул Син – ученый корейского происхождения, приглашенный исследователь Центра изучения демократии Калифорнийского университета (Ирвин).

конфуцианского ареала (Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур, Тайвань и Вьетнам), которые автор относит к «исторической Восточной Азии» (с. 22).

В качестве ключевого понятия своего исследования До Чул Син использует широкое определение демократической гражданственности. Это определение предполагает тесную взаимосвязь частной и общественной сфер. Права и обязанности в процессе социального взаимодействия в этом случае носят взаимно обуславливающий и взаимно определяющий характер. Такой подход противопоставляется узкому, ультралиберальному пониманию гражданственности (автономность индивида при второстепенности обязанностей по отношению к правам) и во многом перекликается с представлениями конфуцианских мыслителей о том, что именно общественная жизнь, в рамках которой люди не могут существовать как изолированные единицы, является основой функционирования любого государства. Само конфуцианство автор предлагает понимать как систему социальных и политических норм. При этом первые определяют должные модели отношений между людьми в обществе, в то время как вторые задают рамки взаимодействия правящих и управляемых (с. 8).

Исследование До Чул Сина отличается от других аналитических попыток объяснить взаимосвязь конфуцианства и демократизации более детальным исследованием эмпирической базы (опросов общественного мнения) и методологическим подходом автора. В качестве основы для практического анализа автор использует результаты двух крупных сравнительных проектов – Азиатского барометра (*Asian Barometer Surveys*) и Всемирного обзора ценностей (*World Values Surveys*). Методологическая рамка исследования предполагает сравнительный анализ общественных ориентаций по отношению к конфуцианским ценностям в шести странах конфуцианского ареала и соотнесение результатов эмпирического анализа этих ориентаций с другими регионами мира с целью определить, является ли восточноазиатский случай уникальным.

Концептуально исследование разделено на четыре этапа. В первой части автор рассматривает социальные и политические аспекты системы конфуцианских норм, процесс эволюции конфуцианства в Китае и его распространения в сопредельных странах Восточной Азии. На основе этого исторического обзора До Чул Син критически оценивает три теоретических взгляда на соотно-

шение конфуцианских ценностей и демократии: первый, исходящий из презумпции их несоответствия, второй – об их принципиальной совместимости, и третий – об их возможной конвергенции. Вывод автора гласит, что каждый из подходов является в какой-то степени односторонним. В зависимости от определения демократии (процедурного или содержательного), а также трактовок конфуцианства (как преимущественно либеральной или нелиберальной системы ценностей) ответ на вопрос о совместимости будет различаться, в то время как в конфуцианстве, как и в любой политической или религиозной системе, возможно найти положения, говорящие как в пользу демократии, так и наоборот (с. 69–70).

Вторая часть книги посвящена сравнению концептуальных положений конфуцианства, призванных регулировать общественное¹ и государственное устройство², с эмпирическими данными, позволяющими оценить, воспринимаются ли эти принципы в качестве основополагающих и регулирующих повседневную жизнь населения Восточной Азии сегодня. Результаты опросов общественного мнения приводят автора к выводу, что современные жители региона более склонны к эгалитаризму как типу культурной ориентации, чем к безусловной поддержке иерархических социальных и политических отношений. При этом ни в одной из стран региона не наблюдается доминирования индивидуалистической культуры, которую сторонники культурной теории (А. Вилдавски, Р. Эллис, М. Томпсон³) рассматривали в качестве наиболее благоприятствующей демократическому развитию. Однако эта же теория утверждает, что демократия не означает существования в обществе только одного культурного типа, это, скорее, по мысли А. Вилдавски, «коалиция культур» (с. 89), при которой эгалитарные и иерархические ориентации уравнивают недостатки индивидуализма. Таким образом, заключает До Чул Син, современная Восточная Азия находится в процессе социальных трансформаций, при которых не привержен-

¹ В качестве таковых автор выделяет правильные отношения в семье, чело­веколюбие (*жэнь*), правила / этикет / ритуал (*ли*).

² В качестве таковых автор выделяет меритократию и патернализм.

³ Исследователи разработали типологию «образов жизни», или предпоче­ний (эгалитаризм, фатализм, индивидуализм, иерархический порядок, индивидуализм), которую предложили в качестве аналитического инструмента при исследовании взаимодействия поведения, культуры и политики [Thompson, Ellis, Wildavsky, 1990].

ность конфуцианским ценностям, а тип режима, равно как и отсутствие либо наличие опыта демократического правления, определяют поддержку авторитарного или демократического характера государственного устройства (с. 105, 133). Более того, как предполагает автор, более широкое распространение приверженности иерархическим типам связей в других географических ареалах (мусульманский мир, Африка, Латинская Америка) говорит о том, что подобные социальные отношения не являются чертой преимущественно конфуцианских стран, а скорее характерны для всех незападных обществ традиционного типа (с. 96–98).

В третьей главе До Чул Син проводит сравнительный анализ гражданского общества в понимании конфуцианства и западной либеральной мысли по следующим ключевым позициям: характер межличностных связей, активность в рамках общественных ассоциаций, доверие в межличностных отношениях, толерантность. Результаты эмпирического анализа приводят автора к мысли, что большинство жителей Восточной Азии действительно по-прежнему склонны к отношениям доверия в рамках семьи, нежели в межличностных отношениях вне семейных связей. Однако в то же время население стран региона все в меньшей степени склонно к эмоциональному типу доверия и в большей степени – к когнитивному, основанному на знаниях (с. 216–217), что также свидетельствует о влиянии процессов модернизации на восточноазиатские общества.

Заключительный раздел монографии посвящен рассмотрению вопроса о том, насколько жители стран Восточной Азии осведомлены о принципах и характере функционирования демократической систем, а также как они воспринимают демократию с точки зрения политического режима и способа управления. Обобщенные данные по региону, представленные автором, свидетельствуют о том, что чуть более 50% населения региона определяют демократию в терминах «свободных выборов и гражданских прав» (с. 263), в то время как значительная часть (38%) под демократией ошибочно понимают гибридный режим, сочетающий как демократические, так и авторитарные черты. Кроме того, демократия как политический принцип оказывается более популярной среди жителей Восточной Азии и более понятной им, чем демократия в качестве политического процесса и практики управления (с. 283).

В процессе исследования До Чул Син приходит к нескольким важным заключениям, которые уточняют характер взаимосвязи и взаимовлияния конфуцианских ценностей и демократии.

Восточная Азия отнюдь не представляет собой единый социокультурный ареал с точки зрения приверженности населения конфуцианским ценностям (с. 320). В общем виде автор подразделяет регион на два субрегиона. В один из них входят страны с недемократической формой правления (Китай, Вьетнам, Сингапур), где приверженность конфуцианским принципам и нормам сохраняется на высоком уровне, в другой – демократии второй (Япония) и третьей волн (Южная Корея, Тайвань), где наблюдается постепенный отход от массовой поддержки конфуцианских ценностей. В то же время было бы неверно утверждать, что именно конфуцианские нормы являются основным фактором, который сдерживает демократизацию. На основе анализа эмпирического материала До Чул Син заключает, что «демократизация может происходить в обществах, значительная часть которых придерживается конфуцианских идей, поскольку первый шаг к демократизации состоит отнюдь не в том, чтобы изменить отношение населения к их конфуцианскому наследию, скорее отношение людей к этому наследию будет изменяться по мере того как они на собственном опыте будут постигать практику демократического правления» (с. 136).

Взаимосвязь между конфуцианскими ценностями и демократией не является прямой и взаимоисключающей. Она более сложна и многоаспектна, чем представляют сторонники тезиса о том, что «азиатские ценности» не совместимы с демократией. Однозначное утверждение, что конфуцианские ценности противоречат существованию демократического правления, равно как и обратное предположение, что конфуцианство полностью благоприятствует демократии, отвергаются автором. Конфуцианская этика сама по себе не способствует большей поддержке авторитарного правления среди населения, равно как и не создает предпосылки к тому, чтобы население отвергало демократию. Наоборот, как доказывает автор, даже среди наиболее приверженных конфуцианским принципам жителей Восточной Азии почти 80% хотели бы жить в стране с демократическим режимом (с. 322–323). В то же время социальные аспекты конфуцианской этики способствуют скорее восприятию нелиберальной демократии или гибридных типов политических режимов (с. 322). Также несмотря на то что подав-

ляющее большинство населения региона считают демократию наиболее желательным типом политического режима, отнюдь не все рассматривают ее как предпочтительный способ управления обычными делами (с. 309).

Пожалуй, наиболее интересный и внушающий оптимизм вывод До Чул Сина связан с его теоретическим анализом тезиса о недемократическом характере «азиатских ценностей» в контексте теории конгруэнтности (соответствия) Гарри Экстайна. Основная концептуальная посылка данной теории («только соответствие между социальными ценностями и нормами, с одной стороны, и политическими ценностями и политической структурой, с другой стороны, способствует функциональному существованию стабильной демократии») (с. 327) дала основания сторонникам «недемократичности» наследия конфуцианства отвергнуть возможности демократического развития для стран этого культурного ареала. В то же время, как отмечает автор, подобное утверждение акцентировало внимание лишь на вопросах поддержания стабильности демократического правления, т.е. по сути упускало из виду процессы политических изменений, происходящих в странах региона, при переходе от недемократических к демократическим формам правления (с. 327). Тезис автора, что «в то время как культурные ценности, ассоциируемые с демократией, поддерживают работу ее институтов, конкурирующие ценностные системы держат эти институты под должным общественным контролем» (с. 328), представляет гораздо более сложную картину взаимосвязи культуры, традиционных ценностей и процессов демократизации; взаимосвязи, для которой в равной степени оказываются важны как либерально-индивидуалистические, так и альтернативные культурные ориентации.

Литература

- Воскресенский А.Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 190 с.
- Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. – М.: Ладомир, 2004. – 326 с.
- Переломов Л.С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

Index of democracy, 2011. – Mode of access: http://www.sida.se/Global/About%20Sida/S%C3%A5%20arbetar%20vi/EIU_Democracy_Index_Dec2011.pdf (Дата посещения: 30.01.2013.)

Thompson M., Ellis R.J., Wildavsky A.B. Cultural theory. – Boulder, CO: Westview press, 1990. – 296 p.

Zakaria F. Culture is destiny: A conversation with Lee Kwan Yew // Foreign affairs. – N.Y., 1994. – Vol. 73, N 2. – P. 109–126.